

УДК 159.9.01; 159.98; 615.851; 316.77
DOI 10.17223/17267080/55/4

Е.В. Гришунина¹, Г.Ю. Гришунин²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва, Россия)*

² *Центр международного сотрудничества (Москва, Россия)*

Психологическая помощь как понимание

В статье прослеживается развитие концепта «понимание» в философско-психологическом срезе – от теоретических положений, касающихся понимания у русского философа В.В. Розанова и немецкого психиатра, психолога, философа К. Ясперса, до современных феноменологических психологов и экзистенциальных психотерапевтов. Далее выявляются специфика и функции понимания в процессе психологической помощи человеку.

Ключевые слова: понимание; феноменологическая психология; экзистенциальная психотерапия; смысл; проблема добра и зла; коммуникация; дискурс; оправдание.

Введение

Человек обращается за психологической помощью в сложной жизненной ситуации, ожидая от психолога понимания, которое может стать средой поиска возможностей наиболее благополучного разрешения ситуации. Однако с пониманием не все очевидно. Понимать можно по-разному: сказанное или говорящего, рационально или эмоционально, что-то как статический факт или как включенное в динамику развития какой-либо ситуации и т.д. Именно по причинам того, что понимание оказывается для психологии концептом важным, но не до конца проясненным по содержанию, мы и обратились к этому вопросу.

Второй причиной обращения к заявленной проблематике является специфичность понимания человека в сложной жизненной ситуации, когда он и обращается за психологической помощью. Специфичность эта обусловлена следующим противоречием: с одной стороны, в сложной ситуации потребность в понимании возрастает, так как именно в коммуникационном поле могут быть достигнуты цели человека, находящегося в сложной жизненной ситуации, – поиск нового языка для открытия смысла случившегося, выбор действий по преодолению сложной ситуации, реставрация идентичности, а с другой стороны, человек в сложных ситуациях часто совершает поступки, оцениваемые со стороны как импульсивные, иногда даже как неадекватные, восприятие человека сужается. Для наблюдателя все это становится признаком нецелостности личности, хотя этому есть

некоторые оправдания – в синергетике проводится аналогия между дескриптивными процессами рефлексии и процедурами возмущений, особенно с такой, как асимптотический ряд теории возмущений. Эта процедура в рамках рефлексии выражается в том, что «наша психика, видимо, защищает себя от излишней стабильности мнения, устаёт от монотонности бесконечных подтверждений, оставляя за собой право на хаос сомнений, который врывается в сознание...» [1. С. 102].

Таким образом, внешний наблюдатель видит нецелостность, которая в свою очередь и является основным признаком «ненормального личностного мира» [2. С. 345]. На полях заметим, что человек в сложной ситуации может быть целостным с одним, и «суженным» с другим. Причина такого положения двоякая – с одной стороны, человек целостен с теми людьми, общаясь с которыми, он исходит из представления о себе для них как целостного, с другой – и воспринимающий человек должен исходить из подобной же установки выражать глубинное уважение к личности человека, кем бы тот ни был – ребенком, безработным, разводящимся и пр. Итак, отсутствие единственного направления мысли и действий человека в сложной ситуации является причиной того, что другие люди могут игнорировать, опасаться человека в сложной жизненной ситуации; причиной и/или следствием этого может быть непонимание [Там же. С. 93]. С этой точки зрения профессиональная позиция психолога, имеющего целью своей деятельности понимание, становится более чем актуальной.

Третья причина обращения внимания на концепт понимания обусловлена тем, что современное психологическое образование практически не нацелено на близкое знакомство будущих профессионалов ни с русской философской и теологической мыслью, ни с современными европейскими концепциями, где изложены методологические основания процесса понимания. В данной работе мы попытаемся восполнить этот пробел, прослеживая развитие взглядов на понимание в философско-психологическом ракурсе, а затем намечая возможности применения его в русле психологической помощи человеку в сложных ситуациях.

Относительно места концепта понимания в психологической науке вопрос, который проясняет его положение и задает схему анализа, может быть поставлен следующим образом: является понимание целью психолога или его методом?

Материалы и методики исследования

В настоящее время в рамках дискуссии о методологических приоритетах в психологии («описание» или «объяснение») термин «понимание» употребляется как синоним описания; разработка метода понимания приписывается В. Дильтею [3]. Хотя В. Дильтей писал о понимании и переживании, от которого зависит понимание, он назвал свой труд «Описательная и аналитическая психология». При этом В. Дильтей выстраивает свою логику познания человека с помощью такой цепочки рассуждений: для до-

стижения наиболее адекватного *описания* человеческого внутреннего мира нужно *понимание и объяснение*, т.е. цель (науки) – описание, методы – понимание и объяснение, инструментальными частями которых являются анализ, типологизация, истолкование.

В свою очередь другой ученый, К. Ясперс, назвал свою методологию познания человека именно понимающей психологией, признавая влияние на свои взгляды не только и не столько В. Дильтея, сколько Э. Гуссерля [4]. Э. Гуссерль, создавая теорию познания (а создавая феноменологию, он создавал именно ее), делает вывод о наличии в правильно осуществляемом, продуктивном процессе познания двух последовательных этапов: 1) феноменологической редукции, которая заключается в таком взгляде на познаваемый предмет, который бы исключал любые априорные предположения, теории, концепции и пр.; 2) эйдетической редукции, заключающейся в поиске того общего, идеального (от слова «идея» – «эйдос»), что существует в предметах, уже познанных на первом этапе с помощью непредвзятой, феноменологической редукции. Известна иллюстрация этого двухшагового процесса познания у самого Э. Гуссерля – познать сущность красного можно, если сначала непредвзято смотреть на красное в разных формах (красный портфель, красная штора, красное кольцо и т.д.), а затем «высмотреть» сущность красного без формы, самого по себе [5].

В трудах Э. Гуссерля мы сталкиваемся со словом «психология» часто (кстати, по свидетельству К. Ясперса, Э. Гуссерль изначально называл свою феноменологию дескриптивной психологией), однако не психологи, а психиатры заметили труды Э. Гуссерля [4]. Особенно приветствовали они принцип именно феноменологической редукции, так как он позволял найти твердую почву при диагностике и описании разноликой симптоматики психических расстройств. Действительно, познать жизненный мир другого, а тем более такого другого, который потерял разум, можно лишь без предвзятости, без желания поместить пациента в изначально заданную категорию. С помощью принципа феноменологической редукции психиатры «разрешили» себе быть во многом философами и психологами. Результатом этого процесса стал тот факт, что директора Бургхольцкой психиатрической клиники Л. Бинсвангер и М. Босс, а также психиатр этой же клиники К.Г. Юнг признаны мэтрами именно в психологии и в философии, а К. Ясперс, который является основателем понимающей психологии, считается философом, хотя по образованию является психиатром.

Второй принцип феноменологии (эйдетической редукции) в ее изначальном варианте Э. Гуссерля психиатрами был проигнорирован. Причем, согласно мнению методологов науки, такое случается в науке нередко – то, что непонятно или неудобно, можно опустить [4]. Психиатры попросту не могли применить принцип эйдетической редукции, так как признать наличие идеи, идеала, сущностного в психической болезни означает во многом отрицать несоответствие социальным, идеальным, субъективным нормам самого психического расстройства. Например, Ясперс, познакомившись с

методом эйдетической редукции, писал: «Феноменологию Гуссерля, которую он поначалу именовал *дескриптивной психологией* (курсив наш. – Е.Г., Ю.Г.) я воспринял и использовал в качестве метода, при этом, правда, не принимая ее последующего развития и превращения в созерцание сущностей» [4. С. 185].

Результаты исследования и обсуждение

Таким образом, феноменология «стучалась в двери» психологии, но та переживала пик естественнонаучного этапа развития. Психологи не так восхищенно отнеслись к принципу феноменологической редукции еще и потому, что к тому времени не было у психологии так много, как у психиатрии, концепций, в прокрустово ложе которых можно было ввергнуть процесс познания человека. В настоящее же время исследования, ставящие во главу угла принцип феноменологии (феноменологической редукции), в психологии распространяются все шире. Так, например, в журнале по консультативной психологии и психотерапии существует специальный раздел, посвященный феноменологическим исследованиям.

К. Ясперс стремится так же, как и В. Дильтей, предложить методологию познания человека, и опять здесь понимание декларируется четко в качестве метода. Однако внимательное прочтение «Общей психопатологии» (особенно ее части о человеке как целом, об интегрированности больной души в общество и историю) дает возможность увидеть, что понимание рассматривается им и как цель, которая, правда, по его мнению, принципиально недостижима, так как есть определенные границы, за которыми разум человека должен смириться с собственным бессилием.

Способность увидеть мир человека его глазами К. Ясперс и обозначает как понимание. Причем К. Ясперс разделяет понимание сказанного, считая, что для этого основой является феноменология, и понимание говорящего, что является прерогативой понимающей психологии [2. С. 370]. К. Ясперс считает, что поскольку понять человека до конца невозможно, по-настоящему можно понять лишь знания о человеке. Он определяет метод понимания через описание следующих дихотомий.

1) Феноменологическое понимание и понимание экспрессивных проявлений. Первое – это представление о внутренних переживаниях человека, вырабатываемое на основе речи, сказанного. Второе – восприятие смысла физических проявлений человека (движения, мимика и т.д.).

2) Статическое и генетическое понимание. Первое предполагает восприятие отдельного факта вне контекста, второе – рассмотрение генезиса и динамики событий.

3) Генетическое понимание и объяснение. Первое – это понимание с точки зрения субъективно значимых взаимосвязей событий, второе – объективная демонстрация причинно-следственных связей. Понимание самоочевидно, интерпретативно и принципиально неполно, в то время как объ-

яснение базируется на объективных фактах, не включает интерпретацию и в конечном итоге все-таки претендует на полноту освещения всех факторов, влияющих на какой-либо феномен.

4) Рациональное и эмпатическое понимание. Первое – это интеллектуальное понимание логической структуры ситуации, второе – вчувствование в человеческую ситуацию.

5) Понимание и истолкование. Последнее предполагает, в противовес пониманию, опору на «немногочисленные отправные точки, позволяющие с достаточно высокой долей вероятности экстраполировать на данный случай те или иные взаимосвязи, уже известные нам...» [Там же. С. 374].

6) Духовное понимание предполагает выявление идеалов человека.

7) Экзистенциальное понимание (философское экзистенциальное озарение). Здесь необходимо понимать ситуацию как критическую точку, «в которой наше наличное бытие (Dasein) возвышается до «бытия самости» (возможности быть самим собой, Selbstsein)» [Там же. С. 375].

8) Метафизическое понимание «направлено на смысл, выходящий за пределы переживаемого <...> И факты и свобода истолковываются метафизическим пониманием как язык некоего абсолютного бытия» [Там же. С. 376].

Предметом понимания в человеке, согласно К. Ясперсу, служат следующие данности: 1 – свобода человека; 2 – наличие процесса саморазвития; 3 – существование границ Я; 4 – факт различия между соматопсихологическим и социально-духовным в человеке; 5 – наличие значимых событий в биографии человека, которые определяют его жизненный путь; 6 – наличие в человеке «объемлющего» (недостижимого идеала) [Там же. С. 900–904, 907]. С этой точки зрения понимание – это выявление и признание различий между людьми в этих шести параметрах.

Примерно в одну эпоху с К. Ясперсом творил и русский философ В.В. Розанов. И здесь замечен несколько другой подход: в своей книге «О понимании» он пишет, что понимание – это и метод, и цель познания. Причем это цель для философа. Для ученого же (В.В. Розанов разделял науку и философию) понимание – это метод. В этом русле важно определиться, является психолог «ученым» или «философом».

Достигать цели понимания человека можно разными методами: и с помощью описания (с него начинается), и методом объяснения (поиска причинно-следственной связи), и собственно методом понимания, инструментами которого признаются интуиция, эмпатия, «схватывание», сходство опыта познающего и познаваемого и др. Главным свойством понимания В.В. Розанов считает его самоопределяемость, фактически – спонтанность и неотвратимость: «нельзя извне чьею-нибудь воле – того ли, кто понимает, или того, кто наблюдает понимающего, – определить заранее, как должно понимать (форму процесса), до какого предела (прервать процесс) и что, какие истины должны содержаться в понимании... понимает не человек, но в человеке совершается понимание... и остановить или направить это понимание так же невозможно, а всякая попытка сделать это так

же мучительна, как невозможно и мучительно направить кровообращение или задержать дыхание. Раз открылось для разума существование объекта, он не может уничтожить в себе которую-либо из схем познания: а что найдет он в этих сторонах, этого он не знает....» [6. С. 412]. Цель понимания – «всеудовлетворенность разума» [Там же. С. 14], а также его утонченность (говоря современным языком, когнитивная сложность), что находит отражение и в тонкости чувств.

В.В. Розанов противопоставляет знание и понимание. Понимание отличается от знания глубиной, неразрывностью, оно «заключает в себе сознание, то, что существует, и не может не существовать»; знания существуют благодаря органам чувств, понимание – благодаря разуму [Там же]. Фактически В.В. Розанов не признает эмпатического понимания на основе чувств, а лишь только рациональное понимание. Чувствам же В.В. Розанов отводит следующую роль в процессе понимания: «помимо сознательного участия своей воли, он (человек) как бы вовлекается, как бы втягивается в его объяснение и испытывает неприятное и тяжелое чувство от прикосновения всего, мешающего развитию начавшегося в нем процесса понимания. <...> И когда, наконец, искомое объяснение найдено, он испытывает высокую и чистую радость...» [Там же. С. 56]. Розанов отмечает и особо выделяет необходимость для понимающего быть захваченным предметом своего понимания, испытывать эмоциональный подъем, влечение к нему.

Основой понимания является «отвращение от ничего не объясняющих знаний, хотя бы и новых и интересных в самих себе» [Там же. С. 459]. Продолжая рассмотрение различий знаний и понимания, Розанов добавляет, что в знании истины ПРИсоединяются, зачастую не образуя целостности, а в понимании – СОединяются, приводя к видению целого.

При определении предмета понимания В.В. Розанов сначала представляет общую схему понимания как процесса, переходя затем к конкретным предпосылкам понимания так называемого Мира человеческого. «Понимание же имеет следующие признаки: необходимость существования предмета его; содержание в себе ответа на совокупность вопросов, которые разум может предложить относительно этого предмета; раскрытие внутренней природы понимаемого предмета и скрытого процесса, происходящего в понимаемом явлении; цельность его (понимания); господствующее участие разума в произведении его; усовершенствование его; целесообразность в его образовании» [Там же. С. 24].

Процесс понимания проходит, согласно В.В. Розанову, по пяти ступеням осознания: 1) наличия предмета познания; 2) сущности его; 3) свойств понимаемого; 4) причины возникновения познаваемого; 5) цели предмета. Однако триумфом разума становятся шестая и седьмая ступени – 6) размышления над сходством / различием разных предметов, смежных и отдаленных с познаваемым (это и есть чистое творчество, по В.В. Розанову); 7) идея числа. Причем для последних ступеней нет внеш-

ней необходимости. Это и есть чистое понимание. Понимание направляется стремлением (что познать) и способностями (могу ли я это познать).

В своей работе Розанов излагает предметные предпосылки понимания человека, и здесь понимание – это цель. Мир человеческий признается продолжением Космоса, однако основное, в чем познается Мир Человеческий, – это Дух [Там же. С. 374]. Дух – это творческий источник, производящий идеи (растение же лишь воспроизводит само себя). Творчество Духа может осуществляться в трех областях – в области разума, в области чувств (эстетическое творчество, нравственное, творчество в области чувства справедливости, религиозное творчество), в области воли (политика, экономика, язык).

Самым же насущным вопросом понимания Мира человеческого Розанов В.В. считает понимание Добра и Зла, которые не производятся Миром человеческим, но вне этого мира ни добро, ни зло не проявляются. «Под злом мы будем разуметь все, что явно или скрыто заключает в себе страдание, а под добром – противоположное ему – что исключает собою страдание и как действительное, и как возможное» [Там же. С. 552]. Явления Добра и Зла не существуют в чистом виде, Зло само по себе не равно страданию, оно включает страдание (например, другого, обманываемого человека).

В.В. Розанов разделяет Зло на физическое (слабость, болезнь, смерть) и духовное. Зло физическое может тем не менее привести к возрождению (добру) духовному. В этом аспекте В.В. Розанов приводит в своем тексте русскую поговорку: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». Здесь по сути В.В. Розанов конституирует продуктивность сложных ситуаций в жизни человека, их необходимость для роста личности. Среди причин возникновения зла В.В. Розанов называет следующие: бедность и физический труд, которые приводят к недостатку досуга; воображение, которое «вмешивается» в жизнь тела, в результате чего человек теряет естественную здоровую спонтанность, вместо этого «придумывая» себе сложности; незнание; отсутствие произведений науки и искусства, которые существуют благодаря постоянному досугу целого класса людей; а также отсутствие толерантности к многообразию человеческих характеров. Отметим, что психологу придется работать на всех этих полях: обучая эффективным социальным технологиям в целях достижения успеха, в том числе и материального, проводя просветительскую работу о психогигиене труда, перегрузках, монотонии и пр., пытаясь ввести воображение клиента в безопасные рамки, арт-терапия может исподволь способствовать актуализации целительной силы искусства, консультирование также продвигает личность на пути толерантного восприятия многообразия характеров.

Основное различие в концепциях понимания у Ясперса и Розанова, на наш взгляд, заключается в том, что немецкий философ признает ограниченность понимания человека человеком. Для него понимание как метод опирается на объективный фактический материал (речь, действие, жестикуляция, мимика), но обязательно включает в себя истолкование, которое всегда неполно [2. С. 369]. Понимание как цель для К. Ясперса – это «идея в кантовском смысле».

ле», это направление размышления, это такая цель, «которая не может быть достигнута, поскольку пребывает в бесконечности» [Там же. С. 688–689].

В.В. Розанов же постулирует возможность познания идеала, предполагая, что «...истинное знание может быть образовано не только о том, что существует... но и о том также, что должно существовать...» [6. С. 13]. Важно, что В.В. Розанов привносит в концепцию понимания то, что является конституирующим для русского менталитета – проблемы Добра и Зла, нравственности, справедливости являются для русского человека специфически интересными. Например, исследования в области восприятия политических лидеров, руководителей в организации показывают, что главным в их восприятии последователями является отражение именно духовных, нравственных взглядов лидера [7, 8]. К. Ясперс тоже выделяет в особую статью духовное понимание, однако само описание духовной жизни человека у него больше основано на понятиях идеала, чем на понятиях Добра (как отсутствие страдания) и Зла (как страдания).

Итак, первая половина XX в. ознаменовалась трудами В. Дильтея, Э. Гуссерля, К. Ясперса, В.В. Розанова, которые по праву можно считать концептуальными в плане разработки оснований понимания человека. Что же происходит с концептом понимания на современном этапе? Здесь мы отметили бы четыре основных направления – психолингвистическое, феноменологическое, психотехническое и экзистенциальное. Во всех выделенных направлениях анализируются понятия смысла, интенции, нарративное, переживание, однако ракурсы и акценты исследований различаются. Три первых направления, несомненно, испытали на себе влияние трудов Э. Гуссерля, они и указываются в качестве источников разрабатываемых идей.

Так, согласно Э. Гуссерлю, основным дескриптивным способом психического является интенциональность, понимаемая как способность какого-либо содержания быть идентифицированным, опознанным как идентичное самому себе. На этом постулате и основывается теория понимания значений [9]. Значения проявляются в речезыковой активности. Отметим, что М. Хайдеггер понимает человека как человека говорящего: «Человек кажет себя как сущее, которое говорит» [10. С. 165]. К. Ясперс также подчеркивал важность коммуникаций для процессов понимания: «Объективация духа происходит при посредстве структур, речевых форм, разнообразных форм деятельности и поведения; <...> Речь – это самая универсальная форма человеческого творчества» [2. С. 353–354].

Явления языка и речи рассматриваются в психологии в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека. Так, в предложенной Т.Н. Ушаковой обобщающей модели-схеме речезыкового механизма взрослого человека выделяется несколько звеньев, каждое из которых включает в себя несколько функциональных блоков. Звено, отвечающее за взаимодействие человека с внешним миром с помощью речи, распадается на два блока – произнесение и восприятие речи. В центральной части модели представлены функции, отвечающие за хранение языкового

опыта, формирование словесных элементов («морфем»), запечатлением, различных характеристик слова (акустических, семантических). Отмечается, что на формирование данной структуры оказывает влияние множество различных по своему характеру факторов – генетические, социальные, нейрофизиологические, мотивационные и т.д. Следующее звено определяется как важнейшее «... в плане инициации и побуждения человека к говорению. Его функция состоит в том, чтобы накапливать активность, возникающую под влиянием внешних воздействий, личностных направленностей, интеллектуально-когнитивных операций... В психологическом плане он реализует интенции субъекта к высказыванию...» [11. С. 23]. Указывается, что этот кумулятивно-побудительный блок, реализующий интенции, непосредственно связан с психологическими состояниями, личностными образованиями.

Речь – важный и доступный для объективных методов канал получения информации о внутреннем мире человека [9, 12, 13]. Речь является одной из форм активности в рамках конкретных ситуаций, она связана со смысловыми, когнитивными, мотивационными, индивидуальными характеристиками человека [14], с помощью анализа устной и письменной речи человека изучается субъективная интерпретация ситуации [15]. Именно поэтому психолингвистика разрабатывает инструменты изучения процесса понимания сказанного. В русле современных исследований известно несколько методических подходов к анализу речевого материала: а) анализ формальных характеристик речи (например, частота и длительность пауз, частота слов-запинок, нелексические вокализации (смех, кашель); б) анализ грамматических характеристик текста; в) содержательный анализ речи (контент- и интен-анализы).

Сущность метода контент-анализа состоит в фиксации определенных единиц содержания, которое изучается, а также в квантификации полученных данных. Единицы контент-анализа выделяются в зависимости от содержания, целей и задач исследования. Например, методика Готтшалк–Глейзер благодаря определению частоты появления определенных категорий в речевых высказываниях и вычислению факторного веса каждой категории позволяет измерять величину аффекта: чем сильнее аффект, тем чаще в речи будут использоваться соответствующие ему высказывания по сравнению с другими [16].

Термином «интенция» в психологии обозначается субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта [17]. В речевом механизме функционируют два типа интенциональных процессов. Интенции первого уровня непосредственно связаны с функционированием нервной системы человека: наличием потребности в экстерииоризации внутренних состояний. Артикуляционный аппарат является лишь одним из возможных каналов реагирования. Человек может показывать состояния своими движениями, мимикой, взглядом и пр.

Интенции второго уровня социальны по происхождению, их можно обозначить как коммуникативные интенции. Выражение этого типа интен-

ций предполагает обозначение ее объекта и отношения к нему говорящего субъекта.

Метод интенмент-анализа состоит в последовательном, шаг за шагом, оценивании экспертами высказываний выбранного текста. Оценивание производится с целью определить, чем вызвано данное высказывание, зачем оно нужно говорящему. Реконструировать подтекст, выявив не только то, что человек формально сказал, но и то, что он хотел сказать или имел в виду, т.е. мотив и цель его речи, определяющие ее внутренний смысл, – такую задачу ставит перед собой метод интенмент-анализа.

Интенциональное содержание непосредственно связано с личностью говорящего, его предпочтениями, деятельностью. При этом интенциональный аспект взаимосвязан и с ситуативным контекстом: что именно и каким образом человек говорит, зависит от того, как ситуация отражается в индивидуальном сознании и бессознательном.

Исследования в русле психологии семантики, проведенные Н.А. Алмаевым и базирующиеся на модели речезыковой деятельности Т.Н. Ушаковой, показали, как именно происходит сопоставление мысли и слова на основе общности их интенциональных структур, а именно таким образом, что человек ищет соответствие между тем, как он осознает ситуацию, и возможностями выразительных средств (слов, звуков) описать, показать этот образ-осознание [9]. В наших исследованиях было показано, что с помощью анализа речи можно исследовать особенности межличностных отношений человека, субъективную интерпретацию различных жизненных ситуаций, например миграции, развода [18, 19].

Вторым современным направлением, разрабатывающим концепт понимания и тоже уделяющим особое внимание анализу сказанного и интенциям, является феноменологическая психология. Здесь понимание – это цель психолога, которому необходимо понять переживание, а собственно переживание в основном проявляется в речи. Основными методологическими основаниями феноменологического подхода (понимания сказанного) являются следующие постулаты:

1. «Феномены есть то опосредующее звено, которое объединяет в себе – нерасчлененно – с одной стороны, представление объективных отношений, а с другой – субъективную очевидность, не предполагающую абсолютного знания и действия, на нем основанного» [20. С. 22].

2. Единица описания для современной феноменологической психологии – это переживание, которое представляет собой целостную единицу сознания, это «поток сознания». Надо признать, что переживание и «поток сознания» – это достаточно размытые понятия. Сюда включено психологами слишком многое – и поведение, и вербальные параметры, и невербальные проявления, и эмоции, и отношение, а в понимающей психотерапии переживание понимается «...как внутренняя деятельность, направленная на преодоление критических жизненных ситуаций» [21. С. 8], причем подчеркивается волевой характер этой работы. Для любого, кто знаком,

например, с понятиями манипуляции, психологической защиты, социально желательных ответов, эмоционального контакта и др., «поток сознания» представляется понятием, подлежащим серьезным дополнениям, – выяснению хотя бы собственно ситуации получения информации об этом потоке сознания. Есть большая разница в подходе к анализу сказанного о «потоке сознания» в ситуациях первого сеанса у психолога до установления контрпереносных отношений или же в середине цикла психологической коррекции, когда установились особые отношения, или в ситуации, когда «поток сознания» был озвучен студентом профессору на экзамене, преследуя какие-то свои ситуативные цели, и т.п. Затем необходима информация, о какого рода ситуации дан этот поток. Если это значимая и сложная ситуация, то искажения могут быть достаточно большие – субъективная интерпретация зависит от ситуации значительно, что и показывают наши исследования [19]. В этом же ключе выполнены и другие работы, показывающие изменчивость и многофакторность представлений о ситуации [15, 22, 23].

Примечательно, что К. Ясперс пишет относительно правил процесса вычленения феноменов: «...важно, чтобы мышление и воля находились вне сферы этого прямого переживания» [2. С. 91], иначе вычленение феноменов, осуществляемое с помощью рефлексии, будет неточным в большой степени. Если мышление и воля выключены, то можно предположить, что из здоровых социально приемлемых состояний – это медитация или сон. Если для получения содержания переживания нужно погрузить человека в сон или медитацию, это значительно ограничивает круг возможностей психолога в плане получения переживаний. К тому же исследования в области гипноза показывают, что воля все равно до конца не выключается даже в этом состоянии, оставляя под контролем базовые ценности человека, мышление тоже до конца не выключено и во сне. К этим рассуждениям примыкают и слова Ницше о том, что человек должен быть ответственным даже за свои сны [24]. К. Ясперс предлагает следующий интересный выход из сложной ситуации вычленения феноменов, которые должны быть очищены от произвольности разума и воли: для получения «чистого переживания» без участия воли и мышления в качестве предмета для познания брать переживания философов, которые умеют отделять переживания с участием произвольности и без участия произвольности [2. С. 29–86].

Степень достигаемой точности интерпретации потока сознания также может быть достаточно сложно определяемой. Спорным, на наш взгляд, является утверждение теории переживаний Ю. Джендлина о том, что при обращении сознательного фокуса к всегда существующему потоку переживаний смысл этих переживаний угадывается безошибочно [25]. В психотерапии широко известен феномен рационализации собственных переживаний, когда чувственному переживанию приписывается произвольный, иногда рассчитанный на наблюдателя, социально приемлемый смысл этого переживания. В психотерапии критерием истинности и аутентичности обозначенного смысла переживания является согласован-

ность вербального и невербального. Легкая брезгливость на лице в сочетании со словами «Да, я люблю N...» насторожит практикующего психотерапевта и заставит его задуматься над тем, каков же истинный смысл произнесенных звуков. А. Лэнгле пишет в этом аспекте: «Необходимо отделять переживания, основанные на соотнесении с реальностью, от проецируемых чувств» [26. С. 119].

Получается, что при феноменологическом подходе мы должны доверять психологической компетентности либо самого автора нарратива, либо компетентности экспертов-«переводчиков». Насчет последнего параметра в литературе описывается исследование, проведенное в среде студентов, когда им было необходимо описать свои «феноменологические впечатления», которые по своей силе и направленности приближали бы их к своей собственной сущности, способствовали переживанию Встречи с истинной действительностью, Бытием. Исследователь отмечает, что только около 60% участников смогли справиться с задачей репрезентации этого опыта [27]. Основными качествами, позволившими респондентам выполнить задание, были умение подхватывать и усиливать впечатление, «выслушивать» его. Следовательно, наличие этих способностей является водоразделом для определения возможности доверия «эксперту-переводчику» при проведении феноменологического анализа (переживания). Одним словом, в феноменологической психологии не решен один из основных вопросов: каким образом переживания и их релевантность для исследования связаны с волей и произвольностью [28].

3. Третьим постулатом феноменологической психологии является положение о том, что конкретная ситуация со своими объективными параметрами (физическими, химическими, пространственными и др.) и слова, ее описывающие, имеют для феноменологической психологии особое значение. «Конкретное является для феноменологии основополагающим... конкретное часто называют нарративным» [26. С. 119]. То есть рассказ о ситуации есть отражение переживания и, следовательно, нарратив – это тоже единица феноменологического анализа. Человек использует конкретное слово, не только зная и называя заложенную в нем предметность значения, но и чувствуя его смысл [25].

Феноменологический анализ сказанного должен осуществляться только в тех рамках, в которых оно само и проявляется, необходимо решить задачу «позволить заговорить самому тексту, выявить конденсированный смысл» [Там же. С. 140]. При этом цель этого феноменологического анализа сказанного – поиск неисследованного аспекта опыта или непрожитой возможности.

Критерии эффективности этого поиска следующие:

1. «...новый опыт, высвеченный благодаря интерпретационному утверждению, оказывается способным продвинуться дальше, к новым аспектам, которые не могли быть выведены из исходного утверждения».

2. Этот опыт «часто оказывается способным привести нас к изменению первоначального утверждения».

3. «...продолжающееся раскрытие новых и новых аспектов оставляет первоначальное утверждение далеко в стороне».

4. «...последовательность продвижения алогична», т.е. подчинена внутренней логике человека. Он судит на каждом следующем шаге – стоит ли отвергнуть предыдущую посылку в силу логики своей жизни, в силу того, что именно сам человек – субъект своего жизненного пути [Там же. С. 140–141].

В этом смысле необходимо очень аккуратно определять единицы поведения и лингвистические единицы, подходящие и не подходящие для феноменологического анализа. Так, слова «Я испытывал тревогу» могут ничего не означать в плане анализа переживаний в устах человека, плохо понимающего термин «тревога» (например, иностранца, ребенка и т.д.), либо, наоборот, употребляющего этот термин в каком-то собственном, иногда ограниченном, смысле (психоаналитика, например). При этом фраза «Мой страх был такой сильный, что я бежал как сумасшедший, не разбирая дороги, натыкаясь на что-то, падая, набивая шишки...» гораздо ценнее для феноменологического психологического анализа.

Вторая проблема, которая связана с феноменологическими исследованиями сказанного, – определение цели и «заказчика» исследования. Для кого нужно выявить неисследованный аспект опыта – для ученого-психолога, для самого человека (клиента), для психотерапевта, для родителя этого человека? Неисследованных аспектов опыта может быть практически неограниченное количество, и что с ними потом делать? Чтобы предсказать? А что именно предсказать – можно ли с этим человеком пойти в разведку? Или, может, данные о неисследованном аспекте опыта нужны, чтобы управлять этим человеком? Или чтобы он перестал страдать? Или чтобы вырос как личность? Цель будет задавать ракурс ответа, и проблема, как видим, здесь существует. Таким образом, феноменология без второго принципа – эйдетической редукции – оказывается неполноценной, так как теряет цель и целостность, не понимает, зачем исследовать феноменологические структуры, в чем суть анализа потока переживаний.

В рамках психотехнической парадигмы происходит отшлифовка, уточнение концепта «переживание», исследование его взаимосвязи с пониманием. Изначально в психологии понятие переживания связывалось по большей части с эмоциональным отражением того или иного явления, объекта. В настоящее время ряд исследователей определяют его как внутреннюю волевую работу по восстановлению душевного равновесия и поиска смысла существования [21]. Исходя из этих положений, переживание становится ступенью к определению стратегии поведения. От эмоций – к целостному переживанию и затем к стратегии поведения – такова логика функционирования переживания как особой деятельности.

Таким образом, разработка психотехнической парадигмы привела к разработке третьего направления исследования процесса понимания – «понижающей психотерапии», и здесь понимание четко постулируется как метод [Там же. С. 8]. Согласно методологии понижающей психотерапии психолог с помощью конкретных психотехник – майевтики, кларификации, интерпретации, эмпатии – может понять переживание человека, чтобы через категорию смысла выйти на преодоление критической ситуации. Ф.Е. Василюк определяет критическую ситуацию как «ситуацию невозможности». Это такая ситуация, «в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)» [31. С. 11]. Автор выделяет четыре основных понятия, которыми описывается критическая ситуация: стресс, фрустрация, конфликт, кризис. Тип критической ситуации определяется той жизненной необходимостью, которая оказалась парализованной и имеет проекцию на «онтологическое поле» субъекта.

Категория смысла является основополагающей и для четвертого современного направления психологической практики, которое понимание ставит своей целью, – это экзистенциальная психология и психотерапия (Л. Бинсвангер, М. Босс, В. Франкл, И. Ялом). И, вспомнив, что понимание, согласно В.В. Розанову, является целью именно для философа, посмотрим как на неслучайный в этом смысле тот факт, что многие из экзистенциальных психологов были лично знакомы с крупнейшими философами – Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером (М. Хайдеггер был учеником Э. Гуссерля, а М. Босс писал свои произведения, безоговорочно прислушиваясь к обширным редакторским правкам М. Хайдеггера).

Понимая человека, экзистенциальные психотерапевты несколько ограничивают область понимания – они стремятся помочь человеку понять смысл происходящего, предполагая, что именно эта ниточка вытянет все остальные проблемы страдающего человека. Феноменология же для экзистенциальной психологии стала методом: если необходимо помочь человеку «прийти к раскрытию, соответствующему его сущности, т.е. к самопознанию и к чувствованию себя, к своей свободе, Собственному и к смыслу (это и составляет «исполненную экзистенцию»», тогда в качестве методики необходимо использовать те базовые критерии, которые адекватны сущности личности. Именно эти открытость, непредвзятость и отсутствие каких-либо намерений и представляют собой тему феноменологии» [26. С. 114].

Нахождение смысла ситуации особенно актуально, когда человек попадает в сложность, когда смысл скрыт и неочевиден, когда приобретенные стереотипы поведения и мышления совсем не подходят. В этой ситуации человек приходит к другу или психологу, для которого понимание в идеале становится самой целью (главное!) и методом (конечно же!). Итак, для понимания нужен Другой, причем нужно, чтобы этот Другой был действительно другим, а не все тем же [30. С. 25]. В процессе понима-

ния важен «процесс диалога внутреннего наблюдателя и метанаблюдателя» [1. С. 98]. Выделим основные функции этого диалога.

1. Первой такой функцией является определение возможностей самости, Я и идентичности. Самость, являясь мультитеоретическим понятием, отражает субъекта, включенного в общественные условия. В антропологии Г. Беме определяет самость как пассивное ощущение телом существования самого себя [32]. Затем самость становится постепенно пониманием «себя для себя с другими», что отражается в социальных ролях. Самость должна обладать качествами стабильности, непротиворечивости, способности к самопознанию. В терминологии отечественной психологии наиболее близка к понятию самости категория субъектности.

В современной зарубежной психологии Я – это самость в действии, причем Я – часть личности наряду с идентичностью [33]. Я развивается через события биографии человека. Сила Я определяется И. Петцольдом как способность схватывать смысл этих событий [34–36].

Идентичность же конституируется как жизнь во временном континууме. В личности существует много индентичностей, так как человек в процессе социализации усваивает много правил, узнает о правах других людей, учится их уважать или переступать. Идентичность возникает в диалектическом процессе, в котором человек ищет себя настоящего через сравнение себя с другими, через тождество или различие с ними. Из множества идентичностей возникает собственная уникальность.

Сегодня постмодернистское жизненное разнообразие ведет к тому, что требования жизни к человеку постоянно возрастают. От индивида требуются различные качества, разнородные умения, стратегии поведения. Можно сказать, что человек разрывается между различными проявлениями себя, между разными ролями и возможностями. Конечно, сами эти роли были всегда, но сейчас требования к качеству проигрывания этих ролей и скорости переключения между ними возросли. Мир не предстает перед человеком как унифицированный, поэтому и ему трудно узнать себя на этих гранях, связанных с дезинтеграцией и расщеплением.

Сложная жизненная ситуация тем более связана с новым, с изменением, человек должен заново выстроить свою идентичность и прочувствовать свою самость. Самость же без Другого не активизируется: с самого раннего онтогенеза без безусловной веры матери в наличие уникальной и сформированной самости даже у новорожденного ребенка не происходит установления контакта человека со своей самостью [37]. Итак, в сложной жизненной ситуации человеку нужен такой Другой, который видится «матерью», верящей в наличие у человека ядра, самости, несмотря ни на что.

2. Вторая функция коммуникации с Другим – поиск смысла случившегося с человеком и в человеке (правда, обычно сам человек подает этот запрос как поиск причин, психолог же переформулирует его в поиск смысла). Здесь уместно обратиться к наработкам Ж. Лакана, разрабатывавшего проблематику связи языка и бессознательной симптоматики. Любое слу-

чившееся в человеке как симптом выступает в качестве символа, а символ – это Язык. «То, с чем мы в симптомах имеем дело, это отношения симптома с системой языка в целом, с системой значений, характеризующих человеческие отношения как таковые» [30. С. 30]. Причем именно категория «д(Д)ругой» (у Лакана два термина – другой и Другой) является связующим звеном между языком и бессознательным. Другой заполняет лакуну, трещину бессмысленности, потери, травмы. Образ Другого вбирает в себя имаго отца реального и Отца символического (высшей силы, абсолюта). Исходя из этого, понятно, каким д(Д)ругим становится человек в сложной жизненной ситуации – категоризируя, определяя свои позиции, модализируясь, действуя и чувствуя, он становится похожим либо на отца (того, который не в Реальном, а в Воображаемом, т.е. соответствующем представлению человека о своем отце), либо на Отца (того, который на уровне Символическом).

Общение с целью поиска смысла случившегося в человеке имеет своей целью обретение нового языка, новой языковой онтологии в поиске истины о своем Я, о своих априори, и в этом смысле это общение (понимание) похоже на исследовательскую программу (своего Я) с признаками таковой у Поппера (жесткое метафизическое ядро и открытое пространство гипотез). Заметим, что К. Поппер предлагает в качестве путей поиска новой языковой онтологии и самотранценденции субъекта исследования критический диалог и самокритику, в то время как в концепции другого философа науки – Поляни – такими путями называются самоотдача, уверование, страстное самоотреченное стремление к истине [1. С. 87]. В этом видно различие на уровне эмпатийного и рационального понимания.

3. Выявление возможности преодолеть сложную ситуацию, справиться с ней, что-то сделать, предпринять – это третья функция коммуникации человека в сложной жизненной ситуации с внешним мета-наблюдателем. Экспериментальные исследования в области сознания показывают, что бездействие приводит к нестабильности сознания, к нестабильности идентичности [38], поэтому деятельность важна как процесс, возвращающий идентичность, самость. В аспекте активных действий психолог ограничен в своих возможностях (еще больше, чем друг или родственник), так как активно проживать с клиентом его жизненные ситуации ему не рекомендовано профессиональной этикой. Несмотря на рекомендованную пассивность психолога, предполагается, что разработка на консультациях нового языка с категориями, точно отражающими смысл переживаний человека, помогает личности выстроить такое внутреннее и внешнее семиотическое пространство, которое обеспечит человеку необходимую защиту, помощь и поддержку со стороны других. Здесь, правда, есть противоречия между тем, как «хочет» видеть человека в сложной жизненной ситуации внешний наблюдатель, и тем, как выстраивает семиотику сам участник сложной жизненной ситуации. Имидж человека, которому требуется помощь, должен быть, по мнению внешнего наблюдателя,

отмечен чертами экстраверсии, т.е. предполагать факт открытости, искренности. Но если следовать за своей искренностью и аутентичностью самовыражения, то человеку в сложной жизненной ситуации необходимо выразить свои чувства и обратиться к окружающим за помощью. Однако с точки зрения самого человека, находящегося в сложной жизненной ситуации, этого, наоборот, допускать нельзя, он должен показывать себя как волевой, сильный, уверенный человек. Причем такое представление о том, как должен выглядеть человек в сложной жизненной ситуации, свойственно совершенно различным группам – руководителям, людям творческих профессий, молодежи, мигрантам, разводящимся и т.д. [39].

Таким образом, человек в сложной ситуации реализует деятельность по преодолению ситуации через проговаривание. При этом мы рассматриваем бездействие и молчание в сложных жизненных ситуациях как частные случаи делания и говорения, так как всегда понятно, почему и по какому поводу человек ничего не делает и о чем он молчит в сложной ситуации. То есть все равно происходит коммуникация между сложностью и проявлением (а в широком смысле проявление – это и есть коммуникации) человека в этой сложности (делание / бездействие и говорение / молчание).

Итак, для того чтобы попасть в состояние самоидентичности, реализовав ценности Бытия, и справиться с ситуацией (реализовав ценности Делания), человек обращается в сложной жизненной ситуации к коммуникационному пространству, реализуя ценности Говорения, стремясь к пониманию и получая удовольствие от ощущения «слышащим-себя-говорящим» (термин Ж.-Ж. Деррида) [40].

4. Четвертая функция коммуникации с Другим состоит в получении сочувствия. Несомненно, в сложной жизненной ситуации человек хочет сочувствия. Однако именно в такой формулировке это относится к общению с другом, к профессиональному же психологу человек идет за чем-то другим. С одной стороны, очевидно, что за тем же пониманием, с другой стороны, в ракурсе обозначенной цели сочувствия нужны уточнения. Понимать ведь можно по-разному – прокурор тоже понимает оступившегося. Здесь важно чувство, с которым понимаешь человека. Обратимся к К. Ясперсу, который выделяет два основания для понимания человека: озарение и «разоблачение». Разоблачение состоит в том, чтобы обнаружить в человеке источники, которые кроются в «низменности человека» [2. С. 438]. Озарение же предполагает сочувствие, углубление взгляда на человека, при котором он сводится «к живому наблюдению за развитием субстанции бытия». Мы же, чтобы не возникло соблазна спутать это стратегическое сочувствие с тактической эмпатией, усилили бы звучание и обозначили понимание как оправдание. Каждый из нас ощущает понимание прежде всего как оправдание. Оправдание же состоит в предоставлении человеку уверенности, что он сделал Добро.

Для русской ментальности понимание и оправдание неотделимы от решения на своем конкретном уровне проблемы Добра и Зла (решить, что

такое хорошо и что такое плохо), что уже отмечалось в связи с изложением концепции В.В. Розанова.

В рамках современной европейской психотерапевтической мысли разработаны особые стратегические подходы к поиску позиции психолога, стремящегося к пониманию как оправданию. Так, интегративная психотерапия, автором которой является И. Петцольд, предполагает особую этику – этику приоритета взгляда другого. Основные концептуальные источники – проект философа Э. Левинаса, который потребовал примата этики перед онтологией, концепция Г. Марселя о бытии как сопровождении, а также русская теология [41]. Главными в этой этической парадигме интегративной психотерапии являются понятия утешения, верности, надежности, откровенности, умиления, благодарности, покорности, творчества и переживания смысла и красоты, оправдания [41]. Этика основывается на любви к моральному оправданию поступков другого. Необходимо отношение к человеку как к другому, которого нельзя заставлять что-то сделать. Этика приоритета взгляда другого основана на оправдании, а не на интерпретации. Оценочность может присутствовать в этике приоритета мнения другого, но только с точки зрения учета жизнеотнущений человека [42] и достижения им собственного акме [43].

Если поставить вопрос, является ли дискурс понимания в современности разоблачительным или оправдывающим, то в процессе анализа этой проблемы можно заметить, что в культуре очень слаб дискурс понимания в целом и как оправдания в частности. У современных людей зачастую нет даже представления о том, что понимать – это трудно, но что это надо делать. Необходимо культивирование взгляда, что понимание – это работа, что процесс понимания не происходит произвольно, без усилий, это ментальная деятельность, требующая затрат, причем понимание не включает оценку и самопрезентацию.

Заключение

Итак, К. Ясперс описывает метод понимания человека на основе анализа его соматического, биографического, экспрессивного, полового статуса, показывая, что понимание как цель – принципиально недостижимо в силу присутствия в человеке пределов, за которым начинается метафизическое. В.В. Розанов показал, что учитывая определенные предпосылки (функционирование Добра и Зла в жизни человека, нравственности, творчества и др.), можно и нужно рассматривать понимание как цель. Современные исследователи в русле феноменологической психологии ограничивают себя пониманием сказанного, хотя и пытаются декларировать, что переживание – это целостная единица, включающая в себя и личностные смыслы. Экзистенциальная психотерапия и психиатрия как практические сферы помощи человеку и как прикладная философия (основоположник экзистенциальной психотерапии И. Ялом употребляет термин «фило-софское консультирование») ставят понимание своей главной целью, од-

нако работают со смыслами экзистенции, не делая акцент на других аспектах, например возможностях трансценденции или же действенного преодоления ситуации страдания и пр. [44].

Известно, что подходы к изучению человека различаются в естественнонаучных, технических и гуманитарных дисциплинах [45]. Биолог, физиолог наблюдают, измеряют наблюдаемое, накапливают факты, постепенно вырабатывая представления о существующей в природе норме. Инженер, сообразуясь с выделенными «идеальными условиями» («тело в вакууме», например), моделирует объекты, заменяющие или улучшающие некоторые функции живых организмов. В отличие от них, психолог, не зная ни «идеальных условий» (например, развития личности), ни «нормы» (как всеобъемлющей характеристики личности), все же пытается познавать сложного, изменчивого, внутренне противоречивого человека. И именно следуя за этими характеристиками предмета научного и практического интереса психолога, нужно признать, что в работе с человеком психологу приходится быть и ученым (и тогда понимание – это метод), и философом (и тогда понимание – это цель).

Приоритетность между этими ипостасями понимания зависит и от того, каково содержание конкретной деятельности психолога. При общении с человеком, страдающим нервно-психическими расстройствами, понимание как цель не может быть достигнута, так как больная душа принципиально не может быть соотносима с идеалом (что является критерием понимания как цели эйдетической редукции). В этом случае понимание как метод, имеющий различные континуумы (статическое и генетическое понимание, духовное и экзистенциальное и т.д.), становится актуальным. При этом активно используются феноменологические подходы (методики) к пониманию (феноменологическая редукция, исследование конкретики ситуации, выявление содержаний переживания этой ситуации, интенций и пр.).

Понимание актуализируется в ипостаси цели в коммуникации психолога с человеком в сложной жизненной ситуации, так как именно понимание становится первым звеном в цепи: понимание через общение – поведение и деятельность по преодолению сложной жизненной ситуации – реструктуризация самоидентичности (самости). Причем при выборе копинг-стратегий человеку (особенно с русским менталитетом) не избежать решения вопроса о том, какое действие в этой ситуации является добрым поступком, а какое – злым. Психологу же в ситуации помощи человеку в продвижении к решению этих вопросов необходимо формировать свою профессиональную идентичность в рамках определения своей роли понимающего в основном как оправдывающего, а не разоблачающего, как специалиста, для которого этика приоритетнее, чем познание как таковое.

Литература

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология: Тексты. Вып. 3 : Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. М. : Когито-Центр, 2004.

2. Ясперс К. Общая психопатология : пер. с нем. М.: Практика, 1997.
3. Залевский Г.В. Объяснение и понимание в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Институт психологии РАН, 2007. С. 195–223.
4. Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010.
5. Гуссерль Э. Идея феноменологии. М. : Гуманитарная академия, 2008.
6. Розанов В.В. О понимании. М. : Танаис, 1996.
7. Игельник М.С. Психологическая компетентность руководителя в условиях антикризисного управления : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
8. Туликина О.Г. Образ политического лидера в сознании масс : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
9. Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. М. : Институт психологии РАН, 2006.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. Библихина. М. : Академический проект, 2011.
11. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. М. : ПЭР СЭ, 2004.
12. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 22–130.
13. Ушакова Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи психолингвистики. М. : Институт психологии РАН, 2011.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Иркутск : Смысл, 2007.
15. Thomaе Н. Das Individuum und seine Welt. Göttingen, 1996.
16. Малкова Г.Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств : дис. ...канд. психол. наук. М., 2005.
17. Психолингвистика: учебник для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. М. : ПЕРСЭ, 2006.
18. Гришунина Е.В. Тематические центрации в высказываниях о ситуации развода // Язык. Сознание. Культура. Москва ; Калуга : Институт языкознания РАН, Институт психологии РАН, 2005.
19. Гришунина Е.В.а Когнитивно-эмоциональная структура переживаний сложных жизненных ситуаций (на примере миграции и развода) // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 4. С. 130–152.
20. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический подходы к анализу сознания // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 8–26.
21. Васильев Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М. : Психологический институт РАО, 2007.
22. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–16.
23. Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуаций // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1.
24. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск : Воля, 1991.
25. Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М. : Класс, 2000.
26. Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 110–129.
27. Буякас Т.М. Феноменология смысла: смысл как зов души // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 94–109.

28. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 52–76.
29. Джендлин Ю. Феноменологическая концепция и феноменологический метод: критический анализ работы Медарда Босса со сновидениями // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 130–146.
30. Лакан Ж. Имена-отца / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис, Логос, 2006.
31. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 11.
32. Böhme G. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Darmstädter Vorlesungen. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985.
33. Petzold H. Integrative Therapie Modelle, Theorien & Methoden schulenübergreifender Psychotherapie. Überarb. Neuauflage 2. Auflage, Paderborn : Junfermann, 2004.
34. Petzold H. Integrative Therapie. Bd. I : Klinische Philosophie. Paderborn : Junfermann, 1991.
35. Petzold H. Integrative Therapie. Bd. II : Klinische Theorie. Paderborn : Junfermann, 1992.
36. Petzold H. Integrative Therapie. Bd. III : Klinische Praxeologie. Paderborn : Junfermann, 1993.
37. Кохут Х. Восстановление самости / пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2002.
38. Комбс А. Сознание; хаотическое и странно-аттракторное // Синергетика и психология: Тексты. Вып. 3 : Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М., Шендяпина. М. : Когито-Центр, 2004. С. 51–60.
39. Гришунина Е.В. Сложные личные и профессиональные ситуации как активизирующие акмеологический потенциал личности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 247–258.
40. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегации. Минск : Экономпресс, 2001.
41. Petzold H.G., Wolf U., Landgrebe B., Josic Z., Steffan A. Integrative Traumatherapie – Modelle und Konzepte für die Behandlung von Patienten mit «posttraumatischer Belastungsstörung» / van der Kolk B., McFarlane A., Weisaeth L. Traumatic Stress. Paderborn : Junfermann, 2000. P. 445–579.
42. Старовойтенко Е.Б. Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию // Психология. 2011. Т. 8, № 4. С. 3–28.
43. Деркач А.А. Акмеология в системе наук о человеке // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Институт психологии РАН, 2007.
44. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М. : Класс, 2004.
45. Розин В.М. Психология: наука и практика : учеб. пособие. М. : РГГУ: Омега-Л, 2005.

Статья представлена научной редакцией 24 ноября 2014 г.

Сведения об авторах:

ГРИШУНИНА Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: Elena@Grishunina.ru

ГРИШУНИН Григорий Юрьевич, сотрудник Центра международного сотрудничества (Москва, Россия). E-mail: mail@psy4you.ru

Elena V. Grishunina¹, Grigory Yu. Grishunin²

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Elena@Grishunina.ru

International Cooperation Centre (Moscow, Russian Federation).

E-mail: mail@psy4you.ru

Psychological care as understanding

The article traces the development of the concept of «understanding» in the philosophical and psychological directions - the theoretical assumptions concerning the understanding of a Russian philosopher Vladimir Rozanov, of a German psychiatrist, psychologist, philosopher Karl Jaspers, modern concept of phenomenological psychology, the relevant aspects of existential psychotherapy. Jaspers shares the understanding of what has been said, considering that this is the basis of phenomenology, and understanding of the speaker, that is the prerogative of understanding psychology. Rozanov considers knowledge and understanding in opposition. The characteristics of understanding are depth and indissolubility. Understanding contains the consciousness. The knowledge exists due to the senses, the understanding - due to the mind. Rozanov considers the differentiation of two notions - good and evil as the most important issue of human understanding. Further, the article considers the revealed specificity and function of human understanding in difficult situations, where it is difficult, but more is needed. A person can be understood in different ways - his words, his emotions, rationally or emotionally, something like a static fact or as included in the situations dynamics, etc. These parameters are studied in four main areas - psycholinguistic, phenomenological, psychotechnical, and existential. All of these areas are exploring the concepts of meaning, intention, narrative, experience, but they are studying different aspects of understanding. Psycholinguists study how people associate thought and word, how speech can help in the research of subjective representation by a person of any situation. In this case, the most important concept is the Intention - focus of consciousness on the object, intention to express a judgment about the object. The notion of experiences (a stream of subjective emotions, thoughts, interpretations) is studied by phenomenological psychology. There is a problem in this direction – an accuracy of the subjective stream translation. The criteria for a correct translation are the agreement of the subject with it, the presence in the translation of new aspects, the assistance from these interpretations to coping. According to the methodology of understanding psychotherapy (this is the third direction of phenomenological ideas), a psychologist can understand the personal experience with the help of specific psychological techniques. Experience is a special activity for coping. Representatives of the fourth direction (existential psychotherapy) also aim to search for the meaning of the situation, however, they give special importance to a person's ability to detect him-self and his existence. K. Jaspers distinguishes two types of understanding – incrimination and excuse. Modern European psychologist I. Petzold supports this concept and calls the ability to show a sense of tenderness, apology, delight as the basic conditions of a deep understanding. Thus, ethical direction of understanding is more important than epistemological aspects.

Keywords: understanding; phenomenological psychology; existential psychotherapy; the meaning; the problem of good and evil; communication; discourse; an excuse.

References

1. Arshinov V.I., Budanov V.G. *Sinergetika postizheniya slozhnogo* [Synergetics of comprehending the complex]. In: Arshinov V.I., Trofimova I.N., Shendyapin V.M. (eds.) *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and Psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2004.
2. Jaspers K. *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L.O. Akopyan. Moscow: Praktika Publ., 1997. 1053 p.
3. Zalevskiy G.V. *Ob"yasnenie i ponimanie v psikhologii* [Explanation and understanding in psychology]. In: Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.) *Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and Methodology of Psychology: Postnonclassical prospect]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2007, pp. 195-223.
4. Vlasova O. *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ekzistentsial'nyy analiz: Istoriya, mysliteli, problem* [Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problem]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2010. 949 p.
5. Husserl E. *Ideya fenomenologii* [The idea of phenomenology]. Moscow: Academy for the Humanities Publ., 2008. 219 p.
6. Rozanov V.V. *O ponimanii* [On understanding]. Moscow: Tanais Publ., 1996.
7. Igel'nik M.S. *Psikhologicheskaya kompetentnost' rukovoditelya v usloviyakh antikrizisnogo upravleniya*. Avtoref. diss. kand. ps. n. [Psychological competence of the head in terms of crisis management. Abstract of Psychology Cand. Diss.], M., 2002.
8. Tupikina O.G. *Obraz politicheskogo lidera v soznanii mass*. Avtoref. diss. kand. psikh. n. [The image of a political leader in the minds of the masses. Abstract of Psychology Cand. Diss.], Moscow, 2003.
9. Almaev N. A. *Elementy psikhologicheskoy teorii znacheniya* [Elements of the psychological theory of meaning]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2006.
10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 447 p.
11. Ushakova T.N. *Rech': istoki i printsipy razvitiya* [Speech: the origins and principles of development]. Moscow: PER SE Publ., 2004. 255 p.
12. Austin J. L. *Slovo kak deystvie* [Word as an action]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, pp. 22-130
13. Ushakova T.N. *Rozhdenie slova: Problemy psikhologii rechi psikholingvistiki* [The birth of the word: Problems of speech psychology and psycholinguistics]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2011. 523 p.
14. Leont'ev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense of reality]. Moscow: Smysl Publ., 2007. 510 p.
15. Thomae H. *Das Individuum und seine Welt*. Göttingen, 1996.
16. Malkova G.Yu. *Kontent-analiz avtobiograficheskikh rasskazov v izuchenii lichnostnykh svoystv*. Diss. kand. psikh. nauk [The content-analysis of autobiographical stories in studying personality traits. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2005.
17. Ushakova T.N. (ed.) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: PERSE Publ., 2006. 415 p.
18. Grishunina E.V. *Tematicheskie tsentratsii v vyskazyvaniyakh o situatsii razvoda* [Thematic centrations in the statements on divorce]. In: Ufimtseva N.V., Ushakova T.N. (eds.) *Yazyk. Soznanie. Kul'tura* [Language. Consciousness. Culture]. Moscow-Kaluga: Institute of Linguistics RAS, Institute of Psychology RAS Publ., 2005.
19. Grishunina E.V. (a) *Kognitivno-emotsional'naya struktura perezhivaniy slozhnykh zhiznennykh situatsiy (na primere migratsii i razvoda)* [The cognitive-emotional structure

- of experiencing difficult situations (for example, migration and divorce)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2011, no. 4, pp. 130-152.
20. Mamardashvili M.K. Klassicheskiy i neklassicheskiy podkhody k analizu soznaniya [Classical and non-classical approaches to the analysis of consciousness]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp.8-26.
 21. Vasilyuk F.E. *Ponimayushchaya psikhoterapiya kak psikhotehnicheskaya sistema*. Avtoref. diss. doc. psikh. n. [Understanding psychotherapy as a psychotechnical system. Abstract of Psychology Doc. Diss.]. Moscow: Psychological Institute RAS Publ., 2007.
 22. Antsyferova L.I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult conditions: reinvention, transformation situations and psychological defense]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1994, vol. 15, no. 1, pp. 3-16.
 23. Burlachuk L.F., Mikhaylova N.B. K psikhologicheskoy teorii situatsiy [On the psychological theory of situations]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, vol. 23, no. 1.
 24. Nietzsche F. *Utrennyaya zarya. Mysli o moral'nykh predrassudkakh* [The dawn. Thoughts on moral prejudices]. Translated from German. Sverdlovsk: Volya Publ., 1991.
 25. Gendlin E. *Fokusirovanie. Novyy psikhoterapevticheskiy metod raboty s perezhivaniyami* [Focusing. A new psychotherapeutic method of dealing with emotions]. Translated from English by A.S. Rigin. Moscow: Klass Publ., 2000.
 26. Langlay A. Fenomenologicheskii podkhod v ekzistentsial'no-analiticheskoy psikhoterapii [A phenomenological approach in existential-analytic psychotherapy psychotherapy]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 110-129.
 27. Buyakas T.M. Fenomenologiya smysla: smysl kak zov dushi [Phenomenology of meaning: the meaning as the call of the soul]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 94-109.
 28. Ulanovskiy A.M. Fenomenologiya v psikhologii i psikhoterapii: proyasnienie neotchetlivykh perezhivaniy [Phenomenology in psychology and psychotherapy: clarification of indistinct experiences]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 52-76.
 29. Gendlin E. Fenomenologicheskaya kontseptsiya i fenomenologicheskii metod: kriticheskii analiz raboty Medarda Bossa so snovideniyami [The phenomenological concept and phenomenological method: a critical analysis of Medard Boss' works with dreams]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 130-146.
 30. Lacan J. *Imena-ottsa* [Names of the father]. Translated from French by A. Chernoglazova. Moscow: Gnozis, Logos Publ., 2006. 160 p.
 31. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [The psychology of experience (the analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Moscowstate University Publ., 1984, p. 11.
 32. Böhme G. *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht*. Darmstädter Vorlesungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
 33. Petzold H. *Integrative Therapie Modelle, Theorien & Methoden schulenübergreifender Psychotherapie*. Überarb. Neuauflage 2. Auflage, Paderborn: Junfermann, 2004.
 34. Petzold H. *Integrative Therapie. Bd. I: Klinische Philosophie*. Paderborn: Junfermann, 1991.
 35. Petzold H. *Integrative Therapie. Bd. II: Klinische Theorie*. Paderborn: Junfermann, 1992.
 36. Petzold, H. *Integrative Therapie. Bd. III: Klinische Praxeologie*. Paderborn: Junfermann, 1993.
 37. Kohut H. *Vosstanovlenie samosti* [The Restoration of the Self]. Translated from English by A. Bokovokov. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2002. 320 p.
 38. Combs A. *Soznanie: khaoticheskoe i stranno-attraktornoe* [Consciousness; chaotic and strange-attractive]. In: Arshinov V.I., Trofimova I.N., Shendyapin V.M. (eds.) *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and Psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2004, pp. 51-60.

39. Grishunina E.V.(b) Slozhnye lichnye i professional'nye situatsii kak aktiviziruyushchie akmeologicheskiy potentsial lichnosti [Complicated personal and professional situations as activating acmeological potential of the personality]. *Mir psikhologii*, 2011, no. 3, pp. 247-258.
40. Gurko E., Derrida J. *Dekonstruksiya: teksty i interpretatsiya* [Deconstruction: Texts and interpretation]. Minsk: Ekonompress Publ., 2001. 320 p.
41. Petzold H.G., Wolf U., Landgrebe B., Josic Z., Steffan A. *Integrative Traumatherapie – Modelle und Konzepte für die Behandlung von Patienten mit “posttraumatischer Belastungsstörung”*. In: Kolk B., McFarlane A., Weisaeth L. (eds.) *Traumatic Stress*. Paderborn: Junfermann, 2000, pp. 445-579.
42. Starovoytenko E.B. Otnoshenie k sebe: ot kul'turogeneza k individual'nomu razvitiyu [Attitude to the self: from cultural genesis to individual development]. *Psikhologiya*, 2011, vol. 8, no. 4, pp. 3-28.
43. Derkach A.A. *Akmeologiya v sisteme nauk o cheloveke* [Acmeology in the system of the human sciences]. In: Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.) *Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and Methodology of Psychology: Postnonclassical prospect]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2007.
44. Yalom I. *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential Psychotherapy]. Translated from English by S. Drabkina. Moscow: Klass Publ., 2004. 575 p.
45. Rozin V.M. *Psikhologiya: nauka i praktika* [Psychology: science and practice]. Moscow: Russian State University for the Humanities, Omega-L Publ., 2005.

Accepted: 24 November 2014